

«Брекзит»: подсчитана цена билета на ВЫХОД

Континенталы говорят островитянам: уходя, уходите

«- Тебя как, сразу прикончить или желаешь помучиться?»

- Лучше, конечно, помучиться»

Цитата из к/ф «Белое солнце пустыни»

Вопреки скепсису, разъедавшему подобно кислотным дождям британское общество, по крайней мере, его политический класс, лондонские переговорщики и их собеседники из Еврокомиссии спустя 18 месяцев с начала торгов (см. [«Брекзит»: игра в блиц плохо идёт у Терезы Мэй»](#), №6(131), 2018) сумели договориться об условиях развода Британии и континентальной Европы. Разводу, стало быть, быть.

«Брекзит есть Брекзит», как решительно выразилась ещё в прошлом году «железная леди лайт», правда, явно не подозревая, какой будет плата за порванные постромки и, скорее всего, преувеличивая самоценность присутствия Британии в Европейском Союзе.

Итак, 25 ноября лидеры 27 стран ЕС одобрили на саммите политическую декларацию по статусу, характеру и правилам сосуществования Соединенного Королевства и сообщества после институализированного разрыва, намеченного на 29 марта 2019 года. Текст бракоразводного приговора составил 585 страниц, но на описание его возможных последствий понадобится бумаги побольше.

Вымученный компромисс

Договориться переговорщикам-марафонцам удалось по ключевому пожеланию Лондона: остаться в той или степени внутри единого таможенного пространства. Для этой цели обговорили лазейку на границе Ирландской республики и британского Ольстера, т.н. "Backstop", означающую, по сути, прозрачность и открытость.

Не все детали принципиального компромисса раскрыты, но ясно одно: через этот, если угодно, «чёрный вход и выход» будет осуществляться беспрепятственное движение – товаров, капиталов, услуг и граждан. Британская экспортная продукция не будет подлежать ни таможенному декларированию, ни подпадать под действие квот. Но на основе взаимности и европейские товары будут пользоваться теми же преференциями.

Дополнительный бонус в том, как полагают в Брюсселе, Лондоне (но только команда Терезы Мэй) и, а это особенно важно, в Дублине, что граница между двумя частями некогда единой Ирландии не на замке и не на засове. Не случайно Лео Варадкар, первый министр Ирландской республики, признался: все наши пожелания учтены (см. [«Брекзит»: отгородят ли Ирландию от Ольстера?»](#), №2(127), 2018).

Отсутствие миграционных и таможенных рогаток и препон между двумя Ирландиями записано как одно из условий соблюдения Соглашения Страстной пятницы 1998 года, положившего

конец 30-летней войне террора, названной лукавым эвфемизмом «Неприятности» (“Troubles”). И это вопреки внушительному мартирологу, который с упоением множили экстремисты католической и протестантской общин острова, поделённого между бывшей метрополией и бывшей «белой» колонией Британии.

Другим фактором в пользу открытой границы для Ирландской республики служит заинтересованность в притягивании британских капиталовложений. Не секрет, что для инвесторов много плюсов: низкие издержки, в том числе благодаря географической близости, абсолютное доминирование английского языка, образованные и квалифицированные кадры, принадлежность к Евросоюзу и одновременно ориентация и тесная связь с рынками в США.

Казалось бы, сложилась ситуация win - win, когда все в шоколаде, и никто не считает себя обделённым. Но присутствует одно раздражающее Лондона обстоятельство: правила торговли, в том числе относящиеся к области таможенного регулирования, фитосанитарного контроля, экологической ответственности производителей и поставщиков и т.д., находятся исключительно в компетенции стран-членов Союза. Британия с весны 2019 года будет лишена права голоса и возможности повлиять на принятие решений. При этом Лондон будет обязан соблюдать все регламентации.

Вынужденность вымученного компромисса очевидна. Экономически и гуманитарно остров и континент настолько переплелись, что брутальный разрыв, одномоментный и беспощадный, ударил бы наотмашь по таким секторам, как автомобильная, аэрокосмическая, фармацевтическая, оборонная промышленности. Замерло бы воздушное и паромное сообщение. Британские покупатели ощутили бы дефицит продовольственных товаров - ведь 60% всего съестного и питейного доставляется с континента. Экспаты, пустившие корни на Британских островах, ощутили бы себя едва ли не маргиналами...

Сродни Брест-Литовскому «похабному миру»

Развод на оговоренных условиях был принят чуть ли не как «единственно возможный» в Европе-27, но вызвал глубокие расползающиеся трещины внутри лагеря консерваторов, а также почти беспрецедентное негодование в оппозиционных кругах.

Доминик Рааб, член кабинета, отвечавший за бракоразводный процесс с ЕС, подал в отставку, указав на то, что особый статус Северной Ирландии «представляет абсолютно реальную угрозу для территориальной целостности Соединенного Королевства». Вместе с ним покинула правительство и министр по делам пенсий Эстер Маквей. За ними потянулись высшие должностные лица второго эшелона. Таким образом, все они примкнули, по сути, к первому высокопоставленному дезертиру, заблаговременно сбежавшему с поста министра иностранных дел (см. [«Борис Джонсон: карикатурная реинкарнация Черчилля?»](#), №7-8(132), 2018).

Стоит, правда, сделать оговорку: Рааб, 44-летний амбициозный политик, давно и преданно служащий делу евроскептицизма, принял решение «соскочить» явно с учётом резко возрастающей неопределённости в судьбе самой Мэй и её кабинета. В этом можно быть солидарным с комментарием парижской «Фигаро»: «Доминик Рааб, который создает впечатление, что крысы покидают «Титаник» перед кораблекрушением» (“Dominic Raab qui

donne l'impression que les rats quittent le Titanic avant le naufrage").

Недаром была предпринята попытка бунта на корабле: в эти же дни состоялся сбор подписей среди депутатов-тори за то, чтобы поставить на голосование вопрос о вотуме недоверия премьеру - и лидеру партии. Не случилось. Заговорщики недобрали 6 голосов из необходимых для запуска этой процедуры 48. Однако, сам по себе прецедент показывает, что правящая партия - в полном раздразе.

Между тем, лидер лейбористов Джереми Корбин отыграл уход Рааба с максимальной выгодой, подчеркнув, что когда один из главных переговорщиков по «Брекзиту» отказывается принять записанные в документ условия выхода из Евросоюза, то во что остаётся верить его согражданам. Корбин охарактеризовал соглашение, выносимое Мэй на суд парламентариев, как «полусырое» ("half-baked").

В свою очередь Найджел Доддс, лидер парламентской фракции Демократической юнионистской партии (ДЮП) из Ольстера (благодаря союзу с которой консерваторы Мэй только и смогли сформировать правительство), заявил, что готов представить Терезе Мэй все сделанные ею прежде обещания по судьбе Северной Ирландии - по пунктам. Но это «будет бесполезной тратой времени, потому что она явно не готова слушать».

Ставки предельно высоки, полагает Доддс: либо удастся сохранить единым и неделимым Соединённое Королевство, либо оно «превратится в вассальное государство и распадётся на части». Как пишет французская пресса, Доддс убежден, что сохранение открытой границы с Ирландской республикой приведёт «к расколу страны на две части» ("coupe le pays en deux"). Инвективы Доддса однозначно свидетельствуют о том, что все 10 депутатов от ДЮП, позволившие в своё время партии тори обеспечить себе парламентское большинство, выступят против одобрения документа о разводе с ЕС.

Не менее категорично высказался депутат палаты общин Марк Франсуа: пропагандируемое премьером соглашение было «мертворождённым с самого начала» ("dead on arrival").

По совокупности всех звучащих критических замечаний можно сделать вывод, что для Мэй заручиться необходимыми для одобрения соглашения о выходе из ЕС голосами вестминстерских сидельцев будет непросто. Слишком многие законодатели воспринимают привезённые ею из Брюсселя компромиссы либо как поражение, сродни Брест-Литовскому «похабному миру», либо как отход от мандата, вручённого ею теми 52% сограждан, что в июне 2016 года на референдуме стали самопровозглашёнными «сепаратистами».

В Вестминстере, по выражению лондонского корреспондента парижской «Фигаро», «воцарилась атмосфера конца царствования» ("Une atmosphère de fin de règne s'est emparée de Westminster"). Нардепы подозревают, что «вихри враждебные веют» над ними...

«Цена вопроса» кусается

В своё время лишённый каких-либо комплексов, словоохотливый и бесцеремонный Борис Джонсон (не менее известный как БоДжо) склонял соотечественников к «Брекзиту» посулом,

что выгоды от развода с ЕС очевидны и многоплановы. Им удастся, мол, и пирог съесть, и сохранить его. Боджо противопоставлял, по сути, две английские поговорки ("To have one's bread and eat it" и "You can't eat your cake and [then still] have it too"). А вот «Фигаро» перевела смысл сказанного французским аналогом, но позволила себе не согласиться с прогнозом: «Борис Джонсон пообещал англичанам, что у них будет «и масло и деньги от (проданного) масла», но на самом деле не будет ни того, ни другого» ("Boris Johnson avait promis aux Anglais 'le beurre et l'argent du beurre' mais ils n'auront ni l'un, ni l'autre").

Разрыв с Евросоюзом приведёт к сокращению объёма двусторонней торговли на 46% и падению зарубежных прямых инвестиций в Британию на 26%, утверждают эксперты Национального института экономических и социальных исследований (National Institute for Economic and Social Research (NIESR), считающегося независимым мозговым трестом. Во временном интервале до 2030 года, говорится в их докладе, Британия будет терять по 100 млрд фунтов стерлингов каждый год.

В пересчёте на среднестатистического британца это означает: каждый из них недополучит 1090 фунтов в год. По текущему колеблющемуся курсу, прореха в индивидуальном бюджете составит примерно 92.000 рублей в месяц. Просчитан экономистами и вариант «упорядоченного» выхода из Союза при отсутствии одобренного парламентом 585-страничного детализированного документа. В этом случае британский ВВП сократится на 5,5%, а ежегодные невосполнимые потери составят уже не 100, а 140 млрд фунтов стерлингов.

Символично, что за горизонт 2030 года предпочитает не заглядывать никто. Либо по причине того, что факторы неопределённости не просчитываются, либо, напротив, математическая экстраполяция перспективы выживания в гордом одиночестве рисует для Британии не совсем радужную картину (см. [«Брекзит»: спасёт ли Лондон свои налоговые притоны»](#), №1(126), 2018).

Сценарии возможные и невозможные

Битва за сердца и умы парламентариев идёт полным ходом. Обладая всего 315 мандатами в палате общин, где заседают 650 народных избранников, Тереза Мэй ежедневно пугает законодателей тем, что в случае отказа поддержать привезённый ею из Брюсселя план развода они погрузят страну в атмосферу «раскола и неопределённости».

У британского премьера не было почти никакого поля для маневра после того, как её континентальные визави прошли свою часть пути, одобрив компромисс по открытой границе между двумя Ирландиями. Для Терезы Мэй, по мнению «Атлантико» (Atlantico), французского информационного сайта с независимой редакционной политикой правого толка, выбор был невелик: «либо (достигнутая после 18 месяцев торгов) сделка, либо хаос» ("c'était le deal ou le chaos"). Заключительный вывод «Атлантико» звучит так: «Брекзит» на оговоренных условиях означает, что «у британцев не будет ни масла, ни денег от (проданного) масла, но зато они смогут избежать экономического хаоса» ("Brexit: les Britanniques n'auront ni le beurre ni l'argent du beurre mais l'accord leur évitera le chaos économique").

В Брюсселе, находясь в тревожном ожидании от голосования в Вестминстере, тоже закусили удила. Глава Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер выразился предельно чётко или, скажем, по-

жириновски «однозначно»: оговоренные условия развода – «единственно возможные» (“the only deal possible”). Это подразумевает нежелание и неготовность глав государств и правительств стран-членов ЕС брать дополнительное игровое время для пересмотра договорённостей в случае, если Терезе Мэй не удастся проштамповать документ у своих законодательных слуг народа.

Недаром набирает популярность вариант, называемый «Норвегия плюс» (“Norway plus”), предполагающий, что Британия восстанавливает членство в Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ), куда она прежде входила, и пользуется привилегиями этого небольшого, но влиятельного клуба (входят Норвегия, Швейцария, Исландия и Лихтенштейн) в своём деловом партнёрстве с Евросоюзом. Примерно так же, как Норвегия, но с более толстым портфелем выторгованных привилегий.

Заманчиво для бизнеса, но есть камень преткновения: члены ЕАСТ обязаны принимать рабочую силу в виде иммигрантов из стран Европейской экономической зоны (ЕЭЗ). А это входит в конфликт с неприятием любых чужаков частью политического класса, к которому относится и лидер консерваторов в статусе премьера. Официальный представитель главы кабинета недвусмысленно заявил, что Тереза Мэй потому считает правильным предлагаемый документ о выходе из ЕС, что это позволит «вернуть контроль за нашими границами, покончив со свободой передвижения» (“allows us to take back control on our borders by ending freedom of movement”).

Тем временем парижская «Фигаро» смоделировала четыре возможных сценария в случае провала голосования в Вестминстерском дворце. Первый: никакого бракоразводного договора, и Британия покидает союз 29 марта следующего года в обстановке полной неразберихи. Второй: парламентарии заставляют правительство Мэй инициировать заново переговоры с ЕС – что маловероятно, учитывая предстоящие в мае выборы в европейских странах. Третий: сшибки непримиримых оппонентов приводят к правительственному кризису в Британии (он уже происходит в вялотекущем режиме) и досрочным парламентским выборам. Четвёртый: проведение повторного референдума, чтобы выяснить, изменился ли расклад сил и предпочтений в обществе.

Однако авторы «Фигаро» резонно замечают, что второй по счёту замер настроений островитян «приведёт в Великобритании к новому периоду неопределённости и нестроения» (“plongerait la Grande Bretagne dans une nouvelle période d’incertitude et de désordre”). Более того, все три последних сценария находятся в прямой зависимости от готовности Европы-27 продлить, а фактически отменить или скорректировать 50-ю статью Лиссабонского договора, которая устанавливает предельный срок для сессии: не более двух лет.

Едва ли получится заручиться согласием всех 27 государств на пересмотр регламента (см. [«Брекзит»: Евросоюз боится, что бритты передумают уходить»](#), №9(133), 2018). Судя по настроениям континенталов, проявляемым не столько в высказываниях, сколько в их последовательном подталкивании ворчливых и неуживчивых соседей через Ла-Манш к выходу, большинство с лёгким сердцем и облегчением отпускают в свободное одиночное плавание остров по имени Британия. Их не оглашаемая в публичном пространстве позиция сводится к бесхитростной формуле: бритты, уходя – уходите.

